

В. Г. Хандорин

К ВОПРОСУ ОБ АГРАРНЫХ ВЗГЛЯДАХ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Дается анализ эволюции программных позиций кадетской партии в Сибири по аграрному вопросу в период революции и Гражданской войны и попыток их практической реализации. На материалах съездов и конференций партии, кадетской периодической печати и архивных документах раскрываются компромиссное содержание аграрной политики кадетов в обозреваемый период, ее мотивы, влияние на курс правительства А. В. Колчака и причины конечной неудачи.

Ключевые слова: *либерализм в Сибири, революция, Гражданская война.*

Изменения идейных и программных установок сибирских кадетов в ходе революции коснулись и вопроса о земле. Известно, что дореволюционная аграрная программа кадетской партии сводилась к наделению крестьян землей до минимальной потребительской нормы и к отчуждению за выкуп сверх максимальной трудовой нормы излишков помещичьих земель (при этом образцовые хозяйства и участки, занятые предприятиями, вообще не подлежали отчуждению) [1]. В меньшинстве были томские и минусинские кадеты, выступавшие за наделение крестьян землей до трудовой нормы, но, по подсчетам экономистов, для этого не хватило бы земель по всей России [2].

При этом и до и после революции кадеты выступали за прогрессивное понижение расценок за излишки отчуждаемых земель по мере их увеличения – по принципу «оптом дешевле». Кроме того, они отстаивали отчуждение удельных, кабинетских и монастырских земель.

Специфика сибирской деревни, не знавшей помещичьего землевладения, заключалась прежде всего в более свободном (по сравнению с Европейской Россией) и в начале XX в. динамичном развитии земледелия, скотоводства и в особенности маслоделия, более высоком уровне жизни коренного сибирского крестьянства (хотя земельные владения крестьян в Сибири ограничивались 15 десятинами на мужскую душу населения). По оценке Л. М. Спирина, 60 % сибирских крестьян можно было назвать зажиточными [3, с. 145]. Исключительно зажиточными в своей массе были казаки Забайкальского и Сибирского казачьих войск, в среднем имевшие по 32 десятины земли на душу населения (для сравнения: в среднем по России казаки имели по 6 десятин, в том числе наиболее многочисленные – донские – по 14 десятин, кубанские – по 8, те и другие – меньше, чем даже сибирские крестьяне; обеспеченность землей крестьян Европейской России была еще значительно ниже) [4, с. 27]. По мере строительства Транссибирской магистрали вывоз зерна из Сибири возрос с 110 тыс. т в 1901 г. до 1 млн т в 1910 г., производство

масла – с 7 т в 1894 г. до 102 т в 1913 г., давая прибыли больше, чем золото (в 1913 г. – 60 млн р. против 28). В 1913 г. 85 % сибирского зерна шло на экспорт [5, с. 11–12, 16].

Таким образом, в Сибири аграрный вопрос не стоял так остро, как в Европейской России. Главной особенностью было то, что, в отличие от казаков, владевших землей на правах общины, крестьяне, как правило, арендовали ее у государства. Лучшими по качеству были так называемые кабинетские земли. Профессор Томского университета кадет М. Н. Соболев отмечал и такие особенности, как, с одной стороны, самостоятельность коренных сибирских крестьян вследствие отсутствия крепостного права и происшедшей от него барской опеки, с другой – избыточность опеки бюрократической, в Европейской России смягчавшейся земством (в Сибири их до революции не было) [2].

Сибирские кадеты полагали, что, поскольку в Сибири частного землевладения нет, заводить его не к чему, и потому критиковали реформу П. А. Столыпина, идеализируя, подобно эсерам, крестьянскую общину, что дало повод Ф. А. Селезневу [6] говорить о влиянии прежних либеральных народников на аграрную программу кадетов (в отличие от октябристов, в целом поддерживавших реформу Столыпина, но считавших чрезмерно активной его переселенческую политику). Парадоксально, но в этом отношении Столыпин проявлял себя более последовательным либералом, а у кадетов в данном вопросе зримо проглядывал отпечаток социалистических воззрений.

Уже первый состоявшийся после Февральской революции 7-й съезд кадетской партии в марте 1917 г. образовал комиссию для пересмотра аграрной программы с учетом произошедшего в стране сдвига «влево» и роста социальных требований крестьянства. В общих чертах, однако, установки съезда сводились к одобрению основ дореволюционной программы.

Комментируя их, омская кадетская газета «Сибирская речь» писала, что «если дать безземельным крестьянам по 10 десятин на двор и довести владе-

ния малоземельных до той же нормы, то на долю остальных крестьян можно прибавить на двор не более 2 десятин», к тому же излишки распределяются «неравномерно по губерниям и уездам». Следовательно, заключали авторы статьи, придется продолжать политику переселения малоземельных в Сибирь, но и тогда «Учредительное собрание не найдет земли для всех» [7].

Принятые 7-м съездом тезисы поддержала в начале мая Сибирская областная конференция партии (по докладу В. Н. Рубчевского) [7]. Лидер томских кадетов профессор Н. Н. Кравченко оптимистично заявил: «В Европейской России крестьяне ожидают земли, в Сибири же земля ожидает крестьян. В четырех губерниях Западной Сибири – Томской, Тобольской, Енисейской и Акмолинской области – 50 млн десятин для надела». При этом он отметил: «В Сибири более 1 млрд десятин леса, которым государство в будущем только и может уплатить возникший во время войны государственный долг: рассчитывать при уплате долга на хлеб нельзя, ибо хлеб будет нужен всему населению. Как единственный фонд для уплаты долга, леса не могут подлежать отчуждению и должны остаться государственной собственностью. Что же касается земли, то должна быть проведена национализация земли с выделением из нее культурных хозяйств» [7].

Конференция поручила разработать проекты детализированной программы местным партийным комитетам.

Принятая майским 8-м съездом партии обновленная программа по аграрному вопросу включала полное отчуждение в пользу государства земель удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принадлежавших Крестьянскому и Дворянскому банкам. Частновладельческие (прежде всего помещичьи) земли подлежали отчуждению лишь сверх «трудовой» нормы, а на территориях, где нет недостатка земель, – сверх «предельной» нормы, существенно превышавшей трудовую. Оценка земли определялась по ее доходности и возлагалась на местные учреждения. Источником государственной компенсации бывшим владельцам определялся земельный налог. Не подлежали отчуждению ни в какой степени «культурные» хозяйства с техническими усовершенствованиями, земли, занятые под фабрики и заводы, муниципальные и общинные земли. Особо оговаривалась защита прав крестьянских общин, нарушавшихся в годы столыпинской реформы [8].

По существу, это была все та же дореволюционная программа, но с некоторой детализацией. Какой-либо демократизации она не подверглась. Более того, уточнение относительно «предельной» нормы говорило об усилении консервативных тен-

денций в программе партии, направленных на защиту интересов помещиков. Вопрос о разработке конкретных программ для казачьих земель, Сибири и национальных окраин съезд поручил специально созданной комиссии. Но последовавшие в том же 1917 г. 9-й и 10-й партсъезды практически не решили его, хотя и обсуждали между делом.

Новым было то, что под влиянием бывших октябристов кадеты (хотя и с оговорками) все более склонялись к столыпинскому курсу, указывая, что «при капиталистическом строе разложение земельной общины и замена ее частной земельной собственностью – дело неизбежное» [9].

Временное правительство, откладывая решение проблемы до Учредительного собрания, до тех пор ограничилось объявлением государственной собственностью бывших кабинетских земель.

На Сибирском съезде агрономов, открывшемся 29 июня 1917 г. в Омске, от партии кадетов с программным докладом выступил Н. Н. Диго. В докладе подчеркивалось: не меньшее значение, чем наделение землей (запасов которой не хватило бы на обеспечение всех крестьян даже до «трудовой нормы»), в условиях России имеют продолжение столыпинской переселенческой политики и развитие агрикультуры, так как территориальные ресурсы дальнейшего экстенсивного развития, по существу, исчерпаны.

Отмечалось также, что эсеровская программа уравнительного «черного передела», принятая 1-м Всероссийским крестьянским съездом в мае 1917 г., означает «грабеж» не только помещиков, но и бывших государственных крестьян (как обеспеченных сверх нормы) в пользу бывших помещичьих крестьян [10]. Кадеты предлагали отложить решение вопроса до конца войны, резонно аргументируя тем, что нельзя производить его без мобилизованных в солдаты крестьян и учета их интересов [11].

Особое внимание сибирские кадеты уделяли сохранению в неприкосновенности за их владельцами гуртов тонкорунных овец, составлявших исключительное богатство Сибири. В условиях сокращения их поголовья в Европейской России они считали эту проблему общегосударственной, так как раздробление культурных «овечьих латифундий» между мелкими хозяевами могло привести к их гибели [10].

Нам представляется, что упор на развитие агрикультуры и отказ от признания отчуждения земли главным способом решения аграрного вопроса можно рассматривать не как «сдвиг вправо» по сравнению с дореволюционной кадетской программой – поскольку от отчуждения они не отказывались, – но как избавление от заимствованного у «левых» упования на метод передела как на панацею. В связи с этим кадетские специалисты приво-

дили цифры (хотя они местами разнятся с другими источниками), согласно которым из 395 млн десятин используемой в хозяйстве земли наибольший массив – 145 млн составляли государственные земли, далее по убывающей – земли крестьянских общин (133 млн), лишь на 3-м месте – помещичьи (75 млн), на 4-м – крестьянские частновладельческие, приобретенные по столыпинской реформе (25 млн), и замыкали список 10 млн десятин, принадлежавших различным юридическим лицам, и 7 млн десятин бывших удельных земель (низложенной императорской фамилии) [12]. Очевидно, что раздел помещичьих земель, составлявших менее 1/5 в общей сумме, мог лишь частично решить вопрос «земельного голода», особенно при быстром росте численности крестьянского населения. Тем временем развитие технической агрикультуры, повышение урожайности могли стать гораздо более эффективными и долгосрочными мерами. В дальнейшем эта тенденция в программе кадетов постепенно усиливается, и, на наш взгляд, следует признать ее вполне прагматичной и более отвечающей классическим принципам либерализма в экономике.

При этом часть сибирских крестьян (а именно – столыпинские переселенцы, жившие значительно беднее «старожилов») восприняла эсеровский лозунг уравнительного передела по-своему: с лета 1917 г., как и в Европейской России, начались самовольные захваты земли.

Одними из первых по данному вопросу высказались красноярские кадеты. Защищая прежде всего интересы местных крестьян-старожилов, они с дореволюционных позиций критиковали поспешную столыпинскую политику переселения: «Широкий земельный простор сибирского крестьянина-старожила сузился», заявляя, что при этом «земельная теснота в Европейской России осталась по-старому» и что «переселенческими законами сломаны устои сибирской деревни, была обобрабана община, дедовские пашни по отводу перешли в пользование новоселов... и в конце концов старожильческому и инородческому населению Сибири стало так же скверно жить, как и крестьянину Европейской России» [13]. Разумеется, в этих утверждениях содержалась большая доля преувеличения.

Резкую отповедь со стороны сибирских кадетов вызвала начатая тем временем эсеровским лидером и министром земледелия В. М. Черновым до Учредительного собрания поэтапная реализация программы своей партии. Иркутская кадетская газета «Свободный край» писала: «Конфискация земли невыполнима без катастрофического потрясения всего народного хозяйства». В качестве одного из аргументов приводилась огромная ипотечная задолженность помещиков, держателями цен-

ных бумаг по которой являлись представители самых широких слоев городского и сельского населения. «При конфискации, – писал “Свободный край”, – все эти бумаги подверглись бы обесценению». Противопоставляя этому кадетский проект выкупа «излишков» и подчеркивая нежелание партии взвалить весь груз этого выкупа на крестьян, газета отмечала, что он должен быть произведен «за счет общегосударственных средств» [14], т. е. всех налогоплательщиков. «Конфискация (отчуждение без выкупа), – заключала газета, – направленная острием своим против помещичьего класса... на самом деле касается его мало, так как почти вся земля его заложена в банках. Конфискация ударит по держателям закладных листов – коммерческим предприятиям» [15].

Критикуя эсеровскую программу, тобольские и бийские кадеты указывали, что замена частной собственности на землю арендой у государства лишит крестьян права свободно распоряжаться ею и снизит стимул к труду, а сам факт бесплатной передачи помещичьей земли в пользование крестьян обесценит ее в их глазах, приведет к небрежному отношению [16, 17].

Разработкой аграрных проектов по поручению майской Сибирской партконференции занялись местные партийные комитеты кадетов, но до Октября закончила ее лишь Красноярская организация, принявшая проект на заседании 22 октября. По докладу Д. Лаппо, земли коренных русских крестьян закреплялись за общиной. Предлагалось пускать на них переселенцев лишь по удовлетворении нужд местного населения, а не как это делалось при П. А. Столыпине. Малоземельные и безземельные крестьяне наделялись за счет свободных и национализируемых земель. Льготные условия определялись для казаков недавно образованного Енисейского казачьего войска: учитывая большие пространства его земель, предполагалось определить им норму в 30 десятин на семью плюс 10 десятин запаса, восполняя недостачу пахотной земли за счет промысловых угодий; при этом казачьи земли оставались войсковой собственностью [18, 19]. Позицию красноярцев поддержали кадеты Минусинска [20, 21].

Омские кадеты ограничились провозглашением частной собственности «священной и неделимой» основой государственного строя и требованием компенсации за отчуждение помещичьих земель [10].

Тобольские кадеты считали главным для Сибири упорядочение арендных отношений путем создания примирительных камер, вознаграждения арендаторов за произведенные улучшения в случае передачи аренды другому лицу, законодательного регулирования размеров арендной платы, выступа-

ли за распространение на сельскохозяйственных рабочих социального страхования и за учреждение для этого сельскохозяйственной инспекции [22]. Наиболее приемлемой они считали программу профессора А. А. Кауфмана, выступавшего за приоритетное обеспечение интересов сибирских крестьян-старожилов и коренных инородцев и временное прекращение столыпинской переселенческой политики [23, с. 17–18]. В этом вопросе они в целом сходились с красноярскими кадетами.

Томичи не внесли существенного вклада в разработку вопроса, ограничиваясь тиражированием и пропагандой общепартийной программы, принятой 8-м съездом.

Барнаульские кадеты выступали за обеспечение местных крестьян землей по норме 15 десятин на душу мужского населения, расширение земского самоуправления и ограничение переселения [24]. В основном они солидаризировались с красноярскими и тобольскими кадетами.

Существенно отличалась позиция иркутских кадетов. Низкая плотность населения в Иркутской губернии позволяла им, в противоположность остальным, поддерживать столыпинский курс переселения при условии помощи государства [12, 14].

До Октября разработка новой аграрной программы партии так и не была завершена. 10-й партсъезд кадетов в октябре 1917 г. дополнил ее лишь резолюциями о неприкосновенности войсковых казачьих земель и о необходимости агрономической помощи государства крестьянам [25].

Ее разработка и корректировка продолжались в период Гражданской войны. Аграрная программа кадетов в целом была принята правительством А. В. Колчака. 3-я Восточная конференция кадетской партии в резолюции по аграрному вопросу от 27 мая 1919 г. утвердила следующие ориентиры: 1) определение путей реализации программы правительства, «не призывая к ее пересмотру»; 2) признание того, что «возврата к старому земельному строю быть не может»; 3) на период до созыва Национального собрания – «законодательство переходного времени» с учетом продовольственных потребностей страны; 4) содействие развитию крестьянского землевладения на основе частной собственности; 5) детализация и реализация планов, положенных в основу временного закона о посевах (по которому урожай принадлежал тому, кто обрабатывал землю), и законопроекта о переходе захваченных во время революции земель во временное распоряжение государства [26].

Характерно, что в принятой практически единой резолюции конференция, во-первых, выдвигала лишь общие ориентиры без конкретной разработки и, во-вторых, продемонстрировала окончательный переход кадетов на октябристские

(а точнее, столыпинские) позиции в отношении поддержки частного (а не общинного) крестьянского землевладения (тогда как до революции кадеты придерживались мнения о ненужности разрушения общины). Солидаризируясь с ними и продолжая традицию Столыпина, правительство А. В. Колчака восстановило право купли-продажи земли, приостановленное Временным правительством Керенского [27].

Сознавая резко возросшее после революции значение крестьянства, тот же «Свободный край» писал: «Революция и социальные реформы, усилив экономическую мощь крестьянства, разрушили вместе с тем материальную силу тех слоев населения, которые составляют необходимое звено в процессе капиталистического развития... Торгово-промышленный класс, как одна из движущих сил капиталистического хозяйства, был отдан на поток и разграбление... Крестьянство, как производитель продуктов первой необходимости, становится хозяином положения». При этом указывалось, что в условиях разрухи в промышленности «для крестьянина-хлебороба нет побудительных стимулов работать для города» [28].

Колчаковское правительство в аграрном вопросе было солидарно с кадетами. В феврале 1919 г. адмирал А. В. Колчак заявил: «Правительство стоит на точке зрения укрепления и развития мелкой земельной собственности за счет крупного землевладения» [29, с. 304]. Этот тезис был развит им в выступлении перед земскими деятелями в Омске 4 апреля 1919 г.: «Мелкое крестьянское земельное хозяйство есть основа экономического благополучия страны... Крестьянство, составляющее 85 % населения государства, имеет право на преимущественные о нем заботы правительства» [30].

Вот как комментировала эти высказывания читинская кадетская газета «Забайкальская новь»: «Оставление земель в руках получившего их крестьянства диктуется не только невозможностью возврата их помещикам... интересы государства требуют улучшения материальных условий жизни самого многочисленного класса в России – крестьянства» с традиционной для кадетов оговоркой: «Конечно, помещики должны быть вознаграждены за утраченные земли, и тогда принцип частной собственности нарушен не будет» [31]. Таким образом, кадеты искали в этой непростой ситуации идейное оправдание с позиций либерализма казавшейся необратимой фактической экспроприации.

В самой Сибири «горючую» массу составляли многочисленные и сравнительно бедные столыпинские переселенцы из Европейской России («новоселы»), 3 млн которых имели в 10-миллионном населении Сибири значительный удельный вес.

Наиболее прочную опору «белых» на селе составляло зажиточное казачество. Учитывая это, Колчак в специальной «Грамоте Российского правительства казачьим войскам» от 1 мая 1919 г. гарантировал нерушимость «земельного быта казаков, образа их служения, уклада жизни, управления военно- и гражданского, слагавшегося веками» [32].

Одной из причин слабой поддержки олицетворявшего кадетскую программу режима Колчака со стороны сибирских крестьян являлось то обстоятельство, что советская власть до своего падения просуществовала в Сибири сравнительно недолго и не успела показать свою тяжесть в полной мере. По словам члена колчаковского правительства Г. К. Гинса, «коренное население Сибири относилось к земельному вопросу равнодушно, и аграрная демагогия не говорила ему ничего. Но зато сибирское крестьянство не испытало и какого-либо гнета нового режима... Продовольственные отряды еще не проникли в Сибирь, так как состояние транспорта не позволяло вывезти из нее и те запасы, которые были заготовлены еще раньше» [29, с. 27]. Как констатировал тот же автор, «Сибирь в своей основной массе большевизмом не заразилась... Но зато Сибирь не успела проникнуться и достаточным сознанием непригодности для нее большевистского строя» [29, с. 51].

Кадеты, как и колчаковское правительство, продолжали в целом придерживаться линии компромисса между крестьянством и помещиками – как показала жизнь, линии глубоко ошибочной. С одной стороны, под их влиянием Совет министров, идя навстречу пожеланиям крестьянства Европейской России, после вступления армии Колчака на ее территорию 5 апреля 1919 г. отменил постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. о возвращении захваченных земельных угодий прежним владельцам [33, л. 36–37] (ориентированное только на Сибирь, в которой не было помещиков) и 8 апреля 1919 г. издал «Декларацию о земле» [33, л. 41–41 об.], дополненную «Правилами о порядке производства и сбора посевов» [33, л. 38–39 об.]. Откладывая окончательное решение вопроса до победы над большевиками и созыва Национального собрания, оно до тех пор лишь разрешало крестьянам сбор урожая с захваченных земель и пользование им и обнадеживало, что в будущем за ними сохранится та часть бывшего помещичьего фонда, которая относилась к землям «нетрудового пользования» [34].

В принципе и кадеты, и колчаковское правительство считали многочисленные крестьянские хозяйства более перспективной формой землевладения, чем единичные крупные помещичьи латифундии, и этой уверенности способствовал тот факт, что в годы войны за счет работы немецких и

австрийских военнопленных в Сибири увеличилось запашка земли и сборы урожая. Но они не спешили с окончательным решением вопроса и предпринимали недостаточно энергичные меры к его продвижению, о чем свидетельствуют сохранившийся в личном архиве премьер-министра П. В. Вологодского документ под названием «Основы аграрной политики правительства», датированный мартом 1919 г. [33, л. 33–34 об.], и разрабатывавшиеся с его учетом законы. В феврале 1919 г. был принят закон о передаче государственных земель в долгосрочную аренду губернским земствам или – по их рекомендациям – крестьянам [27]. Бывшие помещичьи земли по законопроекту министерства временно передавались в хозяйственное ведение государства с правом передачи в аренду крестьянам, а частновладельческие леса – в распоряжение губернских земств [33, л. 1–7]. Такой компромисс не удовлетворял ни крестьян, ни помещиков: для первых он означал (несмотря на аренду) опись и изъятие захваченных земель государством, для вторых – тем более, так как для них эти земли были «кровными».

Возврату помещикам, согласно проекту министерства земледелия, подлежали усадьбы и земли «трудового пользования» (обрабатывавшиеся силами владельцев и их семей), а также образцово-показательные хозяйства и земли, занятые построенными ими техническими заведениями – от фабрик до простых мельниц. Но и этот умеренный законопроект вызвал резкую критику слева и справа и был отправлен на доработку. Из либералов в правительстве однозначно против восстановления помещичьего землевладения в любой форме выступал лишь Г. К. Гинс [29, с. 321].

Позиция правительства обосновывалась в докладе на Государственном экономическом совещании 23 июня 1919 г. В нем говорилось, что низкая производительность крестьянских хозяйств и невозможность их быстрой интенсификации вынуждает к расширению их площадей за счет «нетрудового» землевладения, за что государство заплатит помещикам выкуп, сумму которого крестьяне постепенно возместят (как это было при отмене крепостного права) [35]. При этом правительство полагало, что цена выкупа должна определяться путем соглашений между помещиками и крестьянами. Ясно, что при таком порядке помещики постарались бы получить от крестьян максимум.

Схожей была позиция правительства А. И. Деникина – с той разницей, что если Колчак отдавал крестьянам весь урожай, то Деникин изымал 1/3 в пользу помещиков, которых было немало в Европейской России. В унисон колчаковской и сибирской кадетской программе формулировались аграрные задачи государства кадетами деникин-

ского Юга. Окончательное разрешение вопроса они тоже оставляли «будущему законодательному собранию», при том, что «в условиях переходного момента... власть должна придти на помощь сельскому населению в целях устранения земельной тесноты» [36, с. 317].

Реально в положительном смысле для крестьян – помимо права сбора урожая и аренды казенных земель – был решен вопрос о наделении в собственность небольших участков свободного земельного фонда солдатам – участникам войны (по закону от 14 марта 1919 г.) [37]. В первую очередь ими наделялись георгиевские кавалеры, инвалиды войны и семьи погибших. Такие участки выделялись и за счет конфискации земли у дезертиров и повстанцев (в данном случае правительство Колчака нарушало принцип неприкосновенности собственности, по которому законно приобретенная собственность не конфискуется даже у тяжчайших преступников и в случае их казни переходит к семьям и наследникам).

Большинство кадетов считали эти заявления и меры вполне достаточными, полагая, что они «вызывают чувство полного удовлетворения у всех, у кого ум не затуманен социалистическими утопиями» [38].

Иркутские кадеты, как и ранее, делали акцент не на расширение крестьянского землевладения, а на улучшение агрикультуры: «Сибирскому земледелию, – писали они, – надо еще пройти долгий путь интенсификации, чтобы удовлетворить свои собственные рынки, а когда это будет достигнуто, то, во избежание их перенасыщения, ввиду невозможности широкого экспорта, необходимо расширять эти внутренние рынки созданием местной промышленности, куда могли бы идти продукты сельского хозяйства в их необработанном, сыром виде» [39]. Идя навстречу таким пожеланиям, правительство заказывало в США крупные партии сельскохозяйственных машин.

Таким образом, в целом аграрные установки сибирских (как и российских) кадетов не подверглись в ходе революции радикальным изменениям.

С одной стороны, отчасти под влиянием влившихся в состав партии представителей распавшегося Союза 17 октября, они претерпели эволюцию от либерально-народнической поддержки крестьянской общины к курсу на поощрение частного крестьянского землевладения. При этом сибирские кадеты, не испытывавшие давления со стороны помещичьих кругов, более последовательно шли навстречу интересам крестьян. В период Гражданской войны, находясь в составе белогвардейских правительств, они оказывали существенное влияние на их аграрную программу – более того, она практически не расходилась с их взглядами.

Вместе с тем, демонстрируя излишнюю осторожность и откладывая окончательное решение наиболее важных вопросов до окончания войны, ограничиваясь в основном частными мерами, они проявили себя заложниками идеи компромисса и формальной легитимности. Такая тактика была конструктивной до революции, но не отвечала потребностям революционного времени. Лишь когда начались поражения на фронте, Колчак стал делать более решительные заявления, вроде такого: «Мы считаем справедливым и необходимым отдать всю землю трудящемуся народу» (из обращения к крестьянам от 29 июля 1919 г.) [40]. Но и эти запоздалые заявления не подкреплялись реальными законами. И не только из-за недооценки вопроса самими белыми вождями. Большинство сопутствовавших им профессиональных либеральных политиков продолжали оставаться в плену идеи компенсации помещикам и затягивать решение вопроса. Верность принципам довлекла над тактическими соображениями момента. Тем временем от позиции крестьянства, составлявшего (без казаков) 2/3 населения России, в конечном счете зависел исход Гражданской войны. Компромисс же не сулил перспектив, поскольку дворянство как класс, по существу, сошло с исторической сцены. Думается, правомерно утверждать, что непонимание этого стало одной из решающих причин поражения «белых».

Список литературы и источников

1. Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 246 с.
2. Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Ч. 1. Томск, 1998. 460 л.
3. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М.: Мысль, 1968. 438 с.
4. Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым европейским государствам. Вып. 1. СПб., 1906.
5. Перейра Н. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М.: Ин-т истории РАН, 1996. 200 с.
6. Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917). Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 2006. 228 с.
7. Сибирская речь (Омск). 1917. 21 мая.
8. Там же. 24 мая.
9. Там же. 2 июля.

10. Сибирская речь. 1917. 14 июля.
11. Народная свобода (Иркутск). 1917. 3 мая.
12. Свободный край (Иркутск). 1917. 5 окт.
13. Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 2 апр.
14. Свободный край. 1917. 18 окт.
15. Там же. 1 нояб.
16. Народная свобода (Тобольск). 1917. 17 сент.
17. Алтай (Бийск). 1917. 24 сент.
18. Свободная Сибирь. 1917. 26 окт.
19. Там же. 30 окт.
20. Призыв (Минусинск). 1917. 1 нояб.
21. Призыв. 1917. 4 нояб.
22. Тоболяк-избиратель. 1917. 6 июля.
23. Кауфман А. А. О земле. Пг., 1917.
24. Народная свобода (Барнаул). 1917. 10 окт.
25. Свободный край. 1917. 5 нояб.
26. Сибирская речь. 1919. 29 мая.
27. Лончаков Ю. Г. Аграрная политика временных государственных образований Сибири в 1918–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. 15 с.
28. Свободный край. 1919. 12 янв.
29. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
30. Сибирская речь. 1919. 10 апр.
31. Забайкальская новь (Чита). 1919. 28 февр.
32. Свободный край. 1919. 5 мая.
33. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–193 (Вологодский П. В.). Оп. 1. Д. 42.
34. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 12 апр.
35. Там же. 25 июня.
36. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.: Наука, 1982. 416 с.
37. Правительственный вестник (Омск). 1919. 15 марта.
38. Свободный край. 1919. 18 марта.
39. Там же. 23 марта.
40. Сибирская жизнь. 1919. 3 авг.

Хандорин В. Г., кандидат исторических наук, доцент кафедры.
Томский политехнический университет.
Пр. Ленина, 30, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.
E-mail: khandorin@mail.ru

Материал поступил в редакцию 04.06.2010.

V. G. Khandorin

ON THE AGRARIAN VIEWS OF SIBERIAN CONSTRUCTIONAL DEMOCRATS DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR

The article is devoted to the analysis of the Siberian Constructional Democrats' program positions evolution on the agrarian issue during the revolution and Civil War and the attempts of their practical achievements. Compromise content of the agrarian policy of the Constructional Democrats in the reviewed period, its motives, influence on the policy of A. V. Kolchak government and the reasons for the final failure was revealed on the materials of the Constructional Democrats party congresses and conferences, the Constructional Democrats periodical press and the archival documents.

Key words: *Liberalism, Siberia, Revolution, Civil War.*

Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Tomsk region, Russian, 634050.
E-mail: khandorin@mail.ru